

Выбор судьбы

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

ГРУЗИНСКОГО БАЛЕТА

Почти сорок лет назад, 25 марта 1956 года, в Тбилиси на проспекте Руставели перед зданием Театра оперы и балета, заполняя тротуары и мостовую, перекрыв уличное движение, стояла толпа. Вход в театр ограждала конная милиция. Толпа несколько раз прорывалась к дверям. Потом стояли в проходах галерки, на балконах, вдоль стен партера и амфитеатра...

Занавес раздвинулся до того, как заиграл оркестр, потому что музыку все равно бы заглушил шквал аплодисментов — на сцену выбежала женщина в ярком испанском наряде, выбросила вверх тонкую длинную руку, и выплеснутая в этом едином жесте радость всего тела захлестнула зал. Почти каждый танец требовали повторить «на бис», и концерт затянулся до полуночи...

Так проходил бенефис уже тогда знаменитой Марии Бауэр в ее родном Тбилиси, где она родилась и выросла, где получила первые уроки танца в студии Перини, откуда уехала учиться в Ленинградское хореографическое училище и куда вернулась по окончании его, отказавшись от приглашения работать в прославленном Кировском театре.

И уже были на тбилисской сцене ее Царь-девица в «Коньке-Горбунке» и Тао Хоа в «Красном маке», и Одетта в «Лебедином озере», и Зарема в «Бахчисарайском фонтане»...

И уже был разрыв мышцы на левой ноге, после которого невозможно было танцевать на пальцах, но она стала танцевать на высоких полупальцах, и это оказалось не только ее выбором, но и выбором Судьбы.

И уже была на шумевшая в 30-е годы декада грузинского искусства в Москве, после которой ей присвоили «заслуженную», и поездка в Иран в воинские части во время войны, и Сталинская премия за «Сердце гор» — спектакль, поставленный ее товарищем еще по студии Перини Вахтангом Чабуквани, и звание «народной», и правительственные и неправительственные награды.

А главное — уже была та исчерпанность чувства в каждом жесте, в каждом движении, которая и есть основа искусства танца. С этим, вероятно, она родилась. Это и был тот Божий дар, который определил неотвратимость ее профессии, — способность в каждом движении исчерпывать эмоции. А эмоций было много. Всегда. Все, что могло показаться мелочью другим, волновало и наполняло ее так, как если бы происходили великие потрясения. Происходящее вокруг и было для нее потрясением. И остается потрясением по сей день. И самое большое потрясение — это радость жить.

С этой радостью она просыпается рано утром, с восходом солнца, и даже на кухне, готовя завтрак, пританцовывает и что-то напевает. Мир ее души свободен и светел. В нем не

удерживается то, что может его омрачить. Внешний мир не в силах проникнуть в нее — слишком плотен ее внутренний мир, все инородное он выталкивает без всяких усилий. Наоборот, она сама словно «переливается» во внешний мир, настолько полна ее душа. Кажется расточительностью, что нельзя превратить в танец все, что становится ее жизнью в течение дня. Марии Бауэр выпало счастье быть обреченной на неумолимость чувств и неотвратимый долг их воплотить. И долг этот она исполнила.

...Легкой, «удобной» жизни у нее не было долго. В лучшие годы, когда она достигала вершин своего искусства, — когда переживала на сцене неукротимость страсти Заремы, в бешеном ритме проходила по краю бездны испанского тан-

ца в «Кармен», легко преодолевала земное притяжение в безмятежной веселости созданного для нее «Танца Пастушка», неистовствовала в яростной, прекрасной вакханалии «Вальпургиевой ночи», исходила истомой ширазского танца в «Синагле» — в эти звездные свои годы она жила с мужем и двумя детьми в комнатке в коммунальной квартире на краю города под Давидовой горой. По вечерам в этой комнатке собирались друзья, и, вернувшись после спектакля, уставшая, она ложилась в кровать при них (они отворачивались), а маленькая дочь сквозь сон спрашивала ее: «Вызывали?». «Угу», — отвечала она, тоже засыпая. «Бисировала?». Но и не спрашивая, дочь знала, что вызывали и что мать всегда танцует «на бис».

С мужем она прожила 57 лет. Любовь их была легендой города. Когда он умирал — несколько дней, задыхаясь на ее глазах, она просила Бога, чтобы он умер скорее, потому что это было единственное, чем она могла ему помочь. О предстоящих же ей муках одиночества старалась не думать.

Отдельную квартиру ей дали незадолго до того, как она покинула сцену. Без ее хлопот — хлопотал театр: «Неудобно, знаменитая, сталинский лауреат, правительственные награды, иностранцы интересуются...». Новая трехкомнатная квартира и даже машина, которая появилась к тому времени у мужа, мало что изменили в ее жизни — те же поглощающие жизнь репетиции и спектакли, те же по вечерам друзья, разве только теперь она ложилась

спать после спектакля не в общей комнате, а в спальне, но дверь не закрывала и, засыпая, вмешивалась в разговор... К машине так и не привыкла и, опаздывая на работу, по-прежнему жестом умоляла водителя троллейбуса открыть ей дверцу, и водители знали ее и открывали, не останавливаясь, лишь сбавляя ход, и она в свои шестьдесят, и семьдесят, и семьдесят пять лет вскакивала в троллейбус на ходу...

Со спины — и сейчас, когда ей исполнилось восемьдесят пять, — ее принимают за молодую женщину. И у нее быстрая и уверенная походка. Только морщинки на лице когда-то первой красавицы города выдают ее годы. Впрочем, глаза те же — веселые и с неистребимым ожиданием радости.

Последнее свое выступление на сцене — в утреннем спектакле «Доктор Айболит» — она посвятила своей двухлетней внучке. Хотела остаться в ее памяти в самом истинном своем облике — том, в котором полное всего выявляется ее суть.

...Месяца три назад, 15 мая, накануне своего восьмидесятилетия она шла по Тверской (в Москву переехала после смерти мужа, вслед за сыном и дочерью) шла, как всегда, полная добрых ожиданий. И — невероятно! — вдруг увидела, что навстречу идет Одиссей Димитриади, тот самый знаменитый Димитриади, известный в Тбилиси и в Москве, и во многих странах дирижер, при котором когда-то и достигала вершин ее судьба в балете, с которым навсегда переплетены люди и события ее жизни и с которыми она не виделась много лет. И, конечно же, он первым пришел на следующий день на скромный домашний ужин с самыми близкими, посвященный ее юбилею. И в свои восемьдесят шесть он был тем же безогладно открытым, фееричным, полным восторга перед чудом жизни — и сам являл неистребимость этого чуда! — каким был в их юности и каким оставался всегда. Потому что тоже сохранил верность Душе, несмотря на все беды и несчастья, которые на то и суждены каждому, чтобы испытывать прежде всего эту верность.

И только открытый сердцем, тот, кто бесстрашно и бескорыстно искренен, то есть верит в Бога (может быть, и не подозревая об этом!), только тот способен выдержать это главное для человека испытание и именно поэтому — прежде всего поэтому! — получить счастливое право жить в Искусстве.

Мария Бауэр — одна из тех немногих, кто свидетельствует об этом ярко и неоспоримо.

Армен ЗУРАБОВ.

● Мария Бауэр в балете «Горда».

Фото из архива Вахтанга Чабуквани.